

НА ПУТИ К НОВОМУ ИСТОРИЗМУ, ИЛИ НАЗАД В БУДУЩЕЕ: ОТ ИСТОРИИ-ТРАВМЫ К АНТИКВАРНОЙ ИСТОРИИ*

А. В. Дьяков

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 20 апреля 2023 г.

Аннотация: историзм как форма мировоззрения и идейная (а отчасти, быть может, и методологическая) платформа гуманитарных наук переживает сегодня не лучшие времена. Десятилетия постмодернистской критики представили классический историзм архаичной формой идеологии, несостоятельной в теоретическом отношении, тогда как сама постмодернистская критика не предполагала выдвигения альтернативной теории, способной стать новым основанием гуманитаристики. Вместо этого перед нами оказалась довольно анархическая область гибридных программ, относимых к рубрике «историческая эпистемология», но с исторической эпистемологией начала XX столетия имеющей лишь незначительное сходство. Этот процесс, связанный не столь с внутренними закономерностями развития теоретического уровня науки, сколь с внешними историческими, политическими и идеологическими событиями последнего столетия, тем не менее, не отменил внутренней потребности гуманитарных наук в том уровне генерализации знания и том типе методологического основания, которые способен предложить историзм. С этим связаны предпринимаемые в последние десятилетия попытки нового историцистского синтеза, которые должны учесть как актуальные по сей день аспекты классической версии историзма, так и его критику со стороны постмодернизма и всякого вообще исторического релятивизма. В настоящей работе предлагается опыт описания этой тенденции, причем исходным пунктом служит работа Ф. Р. Анкерсмита «Возвышенный исторический опыт».

Ключевые слова: история, историзм, релятивизм, опыт, постмодернизм, критика, гуманитарные науки, метод, Ф. Р. Анкерсмит.

Abstract: historicism as a form of worldview and ideological (and perhaps partly methodological) platform of the humanities is going through hard times today. Decades of postmodernist criticism have presented classical historicism as an archaic form of ideology that is theoretically untenable, while postmodernist criticism itself did not propose an alternative theory capable of becoming a new foundation for humanities. Instead, we are faced with a rather anarchic area of hybrid programs, classified under the heading «historical epistemology», but with the historical epistemology of the early 20th century with only a slight resemblance. This process, connected not so much with the internal laws of the development of the theoretical level of science, as with the external historical, political and ideological events of the last century, nevertheless, did not cancel the internal need of the humanities for the level of generalization of knowledge and the type of methodological foundation that historicism. Related to this are the attempts of a new historicist synthesis undertaken in recent decades, which should take into account both aspects of the classical version of historicism that are relevant to this day, as well as its criticism from postmodernism and any historical relativism in general. This paper proposes an experience of describing this trend, and the starting point is the work of F. R. Ankersmit «The Sublime Historical Experience».

Key words: history, historicism, relativism, experience, postmodernism, criticism, humanities, method, F. R. Ankersmit.

Поверхность изображения скрывает в себе столько различных значений, что предстает уже только загадочным ликом. Отныне власть его – не в поучении, но в неодолимой притягательности.

М. Фуко. История безумия в классическую эпоху

Ф. Р. Анкерсмит в своей «романтической» книге «Возвышенный исторический опыт» подвел итоги последней трети XX в. следующим образом: внимание

интеллектуалов переключилось с языка на опыт. Этому способствовала не только усталость интеллектуалов от работы с языковыми проблемами, не оставлявшая

*Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук».

© Дьяков А. В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

времени на попытки прикоснуться к реальности, но и общественно-политическая конъюнктура, поставившая на повестку дня понятия коллективной памяти, коллективной травмы и коллективной же ответственности, так что теперь принято говорить не столько о «прошлом», сколько о «памяти». Оптимистично настроенный Анкерсмит рассчитывает (во всяком случае, рассчитывал при написании «Возвышенного исторического опыта») на то, что интеллектуалы, рефлексизирующие по поводу истории, смогут теперь установить некоторые отношения с прошлым как с реальностью, вместо того чтобы бесконечно возиться с текстами, вечно это прошлое от нас заслоняющими, да, может быть, и не всегда имеющими к нему действительное касательство. Установление таких отношений и есть тот «исторический опыт», к которому стремились историки со времен Просвещения.

Самым значимым, на наш взгляд, моментом в этом демарше является «неожиданное выдвижение эстетики из относительно незаметной позиции в число тем, которые наиболее охотно и с большим воодушевлением обсуждаются в современной философии» [1, с. 26]. Анкерсмит связывает это движение с возвышением опыта над языком; поскольку искусство имеет родство лишь с опытом, а не с языком и даже не с сознанием, совершенно естественно ожидать обращения центрированной на опыте философии именно к вопросам эстетического порядка. При этом он желает во что бы то ни стало оставаться в рамках академической философии, не выпадая в туманную область, где можно лишь самым общим и необязательным образом говорить об интересе, который вызывает у образованного человека история. Поэтому он выдвигает довольно рискованный тезис о существовании «интеллектуального опыта», вместилищем которого является разум.

Аргументация Анкерсмита обнаруживает его близость к идеям Г. Г. Гадамера, которую, впрочем, он и сам неоднократно подчеркивает. Действительно, речь идет о том, «как мы воспринимаем прошлое и как этот опыт прошлого возникает в момент одновременного раскрытия и восстановления прошлого» [1, с. 29]. Усилие историка по постижению прошлого есть определенный интеллектуальный опыт, в котором конституируется прошлое. Тем самым снимаются как претензия интеллектуала на позицию невинности, из которой постигается объективный смысл истории, так и теоретический пессимизм, констатирующий на месте истории текст и ничего кроме текста. Такая герменевтика истории только и может описываться как опыт, однако вопрос об истине истории, по-видимому, придется сдать в архив вместе с транс-историческим субъектом истории. Таким образом, постмодернистский демарш принимается, его навязчивый пантекстуализм отвергается, а произве-

денная им расчистка пространства должна дать место для нового опыта истории [2]. При этом говорить о субъекте этого опыта совсем не обязательно; он и так подразумевается как нечто само собой разумеющееся, но не нужно ставить его в центр внимания. Интеллектуальный эмпиризм должен быть центрирован на опыте в позитивистском духе, а не на метафизических фигурах.

По правде говоря, у позиции Анкерсмита больше общего с пониманием истории как травматического опыта, нежели с Гадамеровым герменевтическим усилием, в результате которого настоящее интеллектуала каким-то образом должно повстречаться с прошлым. Ведь, по его мысли, «возвышенный характер исторического опыта происходит из этого парадоксального союза чувств любви и утраты, то есть из сочетания удовольствия и боли, определяющего наше отношение к прошлому» [1, с. 30]. Стремление говорить об опыте независимо от вопроса об истине не освобождает интеллектуала от вопроса об ответственности; совсем наоборот, этот последний вопрос может занять место вопрошания об истине и выдержать какое угодно упрощение и усиление. Здесь куда больше дидактики и морализирования, ведь теперь интеллектуала только и можно спрашивать о том, чему его научила история (и чему, соответственно, он поучит своих читателей) и какого рода ответственность несет он за свой опыт. Вполне естественный марш от Ницше к Сартру: коль скоро история как таковая имеет отношение не к истине, а только к опыту (т. е. аффектации души), обращение к ней должно порождать волевое утверждение определенного взгляда на вещи, зависящее от эстетического чувства интеллектуала и от его нравственной позиции.

Впрочем, сразу нужно оговориться: Анкерсмит стремился совсем не к возрождению субъекта, неважно, будет ли оно зависеть от метафизическими выкладок или от политического опыта интеллектуала. Напротив, он желает сосредоточиться на историческом опыте, который есть в то же самое время опыт интеллектуальный, хотя не совсем понятно, как это должно выглядеть на практике. Когда буддисты предлагают сосредоточиться на восприятии как таковом, забыв о воспринимающем, темпоральность как таковая изгоняется, ведь речь у них идет как раз об одномоментном восприятии, о чистом «сейчас». Каким образом можно сосредоточиться на прошлом, которое при этом не было бы фикцией созерцающего ума, и вовсе непонятно. Можно было бы понимать это в Спинозистском духе, как модус существования аффектированной души, но едва ли это устроит интеллектуала, старающегося держаться академических норм [3].

Другими словами, непосредственный опыт не может быть историческим, ибо опыт принципиально а-историчен. Вся традиция механицизма отвергает

историчность как таковую, точно так же как историзм отвергает механистический взгляд на мир как череду бесконечно повторяющихся в своей неизменности явлений и событий. Так что речь может идти не об историческом опыте, а только о некотором сентиментальном восприятии того, что наш прошедший длительную выучку разум воспринимает как «историческое». Ремарка относительно того, что речь идет не об опыте чувственного восприятия, а об «интеллектуальном опыте», пожалуй, несколько проясняет дело. Ведь теперь мы с уверенностью можем говорить, что Анкерсмит говорит нам об искусственной интеллектуальной конструкции, связанной при этом с эмоциональным переживанием, быть может, не столько травматического, сколько эстетического характера. Признаться в этом не так-то просто, ибо это означало бы, что мы распрощались с академической наукой и всеми ее жесткими требованиями – дефинированием предмета, методом, нормами знания и т. п. – и отважились вступить в область поэтических прозрений, откуда уж нет возврата.

Сам Анкерсмит недаром признается в своем романтическом чувстве, движущем «Возвышенный исторический опыт». Это чувство, кажущееся неуместным в свете школьной ригористики, тем не менее, было некогда той движущей силой, которая позволила возникнуть взгляду на историю, впоследствии укоренившемуся в академической науке. Именно об этом чувстве писал еще Ф. Мейнеке, размышляя о роли П. А. Малле в становлении историзма: «Чтобы в условиях господства просветительских идей с такой силой по крайней мере в одной точке сломать естественно-правовые исторические идеи, как это произошло в данном случае, должна была проявиться и какая-то особая мечтательность, которая охватила молодого женева, заброшенного на Север, когда он столкнулся с внезапно открывшимися ему явлениями» [4, с. 151]. Эта «особая мечтательность», хоть и породившая, по словам того же Мейнеке, «показную и театральную» литературную моду, была концентрированным выражением романтического движения, которое сегодня возвращается в обновленном, но все-таки узнаваемом облике [5]. Остается сделать лишь один шаг: заодно с идеалами Просвещения отказаться от наследия позитивизма.

Для нас не так уж важно, сделал ли в конце концов этот шаг сам Анкерсмит или все-таки устоял на позитивистской почве (сам он, к тому же, на сегодняшний день отказался от идей, изложенных в «Возвышенном историческом опыте»). Куда важнее та общая тенденция, которую мы усматриваем в этом движении, где Анкерсмит, может быть, и был одним из первых, но далеко не единственным автором. На этом пути мы обнаруживаем несколько принципиальных жестов, отделяющих совершающих их интеллектуалов

от предшествующей фазы развития историзма.

Во-первых, отказ от травматического восприятия истории. Драматические события минувшего столетия заставили интеллектуалов напряженно переживать исторические события, а те, что таких переживаний не вызывают, отодвигать на второй план как менее значительные. Само собой, Пелопоннесская война сегодня не вызывает у нас никаких эмоций, и тем не менее ее значимость для истории Восточного Средиземноморья никто не станет отрицать. Однако по своему эмоциональному воздействию на ныне живущих это событие оказывается ничтожным в сравнении с мировыми войнами, наследие которых по-прежнему с нами. При этом академическая норма требует от интеллектуала не ужасаться, а сохранять полную бесстрашность и объективность. Если прежде это сделать не удавалось, то теперь в силу вступило требование совсем иного порядка – эстетического. Историческое событие становится спектакулярным

Во-вторых, отказ от надежды уловить интеллигентный смысл истории, ее законов, направления и т. п. Многолетняя борьба с телеологией, гегельянским субъектом истории, релятивистский взгляд на любые открываемые человеческим разумом истины, ницшеанское противопоставление знания и познания в конце концов привели если не к пессимизму в духе Шопенгауэра, то, во всяком случае, к весьма осторожному отношению к универсальным теориям, способным вписать любое событие в единую картину. Кризис доверия к метанарративам, о котором писал еще Ж.-Ф. Лиотар, стал затяжным, и теперь уже никого не шокируют заявления о том, что история остановилась или пошла по кругу (Бодрийяр). Конечно, историки настороженно относятся к смелым заявлениям философов, готовым провозгласить мировую историю хаосом или дурным повторением одного и того же. Тем не менее общая закономерная картина истории сегодня представляется чем-то из области ретро-фантастики.

В-третьих, эстетизация исторического взгляда. Можно сказать, что этот «романтический» демарш проходит по той же траектории, по какой в эпоху Романтизма двигалась эстетика: отказавшись от аристотелевской парадигмы, требовавшей от произведения искусства катарсиса и назидательности, можно было получать возвышенное удовольствие даже от самых мрачных и этически безразличных творений. Историческое событие теперь также воспринимается как более или менее чистый объект созерцания, не устрашающий, не поучающий и не вдохновляющий, но вызывающий ощущения «возвышенного» и «романтического» характера – столь туманные выражения, использованные самим Анкерсмитом, вполне выражают неопределенность такого рода опыта. Сравнение рискованное, но в целом, на наш взгляд,

оправданное. Дело здесь не столько в смене эмоции – хотя это, на наш взгляд, также немаловажный момент, – сколько в трансформации взгляда. Взгляд исследователя, в том смысле, как предлагал его понимать М. Фуко, – вот та точка, в которой можно уловить эпистемологическую мутацию. Это открытие новой перспективы и одновременно ревизия самого понимания исторического события.

В-четвертых, наконец, закономерный взгляд на историю как на чистое зрелище. Этот наш тезис можно понимать в самых разных смыслах, каждый из которых, не описывая целиком положение дел в истории и в гуманитарных науках, оказывается вполне состоятельным [6; 7]. Прежде всего, конечно, это своеобразный возврат к романтической сентиментальности, о котором у нас уже шла речь и который научный позитивизм уже не в силах вытеснить за академические пределы. Далее, вовлеченность интеллектуала на уровне личного опыта, о котором говорил Анкерсмит, но который можно понимать и как остранение В. Шкловского и Б. Брехта. Впрочем, мысль М. Фуко о том, что можно возводить этот опыт к модернизму Ш. Бодлера и О. Уайльда, так же уместна в нашем контексте. Наконец, здесь присутствует и негативный оттенок, блестяще описанный Ж. Бодрийяром: череда исторических событий предстает безучастному зрителю как надоедливый телесериал, не способный ни взволновать, ни чему-либо научить, а потому проходящий мимо его сознания.

Эффекты, о которых мы говорим, сами по себе могут быть интересны в культурологическом отношении, но не складываются в исследовательскую программу, которая могла бы быть принята в академическом пространстве. Однако, говоря о них, мы можем уловить два существенных для нас момента. Во-первых, методически строгая и стремящаяся к формализации наука находит себе основания и импульсы в тех областях, которые никак нельзя назвать соответствующими ее, науки, требованиям. В сущности, ничего нового здесь нет, однако такое положение дел обычно не признавали. Во-вторых, мы можем ясно увидеть, сколь большое значение играет в этой эпистемологической трансформации то, что М. Фуко назвал *взглядом* [8].

Всё дело здесь в способе постановки вопросов, который невозможно формализовать и свести к набору методологических установок, поскольку всё дело

здесь в особом рода чувствительности интеллектуала к изучаемому им предмету. Вместе с тем это взгляд академически вышколенный и прошедший определенную дрессуру, так что речь идет не о мутации занимающегося вопросами истории интеллектуала из архивариуса, в которого он уже превратился благодаря усилиям того же Фуко, в частное лицо, испытывающее жадный интерес ко всякого рода старине [9]. Позитивизм как норма научного познания не отбрасывается, но поворачивается к нам новой стороной, благо старомодную ригористику удалось если не преодолеть, то изрядно пошатнуть. «... Если, предлагая анализ редкости вместо поиска целостностей, описание отношений внешнего характера вместо системы трансцендентального основания и анализ накоплений вместо поиска истока, становишься позитивистом, то я с легкостью соглашусь, что да, я счастливый позитивист» [10, с. 241–242]. «Счастливый позитивизм» постмодернистов, продемонстрировав как свои достоинства (а они есть), так и недостатки (может быть, их даже больше), выполнил свою критическую задачу и расчистил место для нового синтеза.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анкерсмит Ф. Р.* Возвышенный исторический опыт / Ф. Р. Анкерсмит. – М. : Европа, 2007.
2. *Jenkins K.* Refiguring History : New Thoughts on an Old Discipline / К. Jenkins. – L. : Routledge, 2003.
3. *Munslow A.* Deconstructing History / A. Munslow. – Taylor & Francis, 2006.
4. *Мейнеке Ф.* Возникновение историзма / Ф. Мейнеке ; пер. В. А. Брун-Цехового. – М. : РОССПЭН, 2004.
5. *Paddock Th. E.* Rethinking Friedrich Meinecke's Historicism / Th. E. Paddock // Rethinking History. – 2006. – Vol. 10, № 1. – P. 95–108.
6. *Shaughnessy M. F.* The Humanities : Past, Present and Future / M. F. Shaughnessy. – N. Y. : Nova Science publishers, 2017. – 260 p.
7. *Surbhi J.* Research Methodology in Arts, Science and Humanities / J. Surbhi. – Oakville : Society Publishing, 2019. – 230 p.
8. *Clifford M.* Hegel and Foucault : Toward a History without Man / M. Clifford // Clio. – 1999. – № 1. – P. 1–22.
9. *Wilson Th. H.* Foucault, Genealogy, History / Th. H. Wilson // Philosophy Today. – 1995. – № 2. – P. 157–171.
10. *Фуко М.* Археология знания / М. Фуко ; пер. М. Б. Раковой. – СПб. : Гуманитарная академия, 2004.

Санкт-Петербургский государственный университет

Дьяков А. В., доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания

E-mail: a.diakov@spbu.ru

Saint-Petersburg State University
Dyakov A. V., Doctor of Philosophy, Professor of the
Ontology and Gnoseology Department
E-mail: a.diakov@spbu.ru